
СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ
КАЗЁННЫЙ ЯД
Нижегородский детектив
ГУБЕРНСКИЙ СЫСК ◆ НИЖНИЙ НОВГОРОД 1898

Сергей Вяземский

Казённый яд

«Автор»
2026

Вяземский С.

Казённый яд / С. Вяземский — «Автор», 2026

Октябрь 1898 года. В заречной части Нижнего Новгорода на закрытом механическом заводе артиллерийских принадлежностей товарищества Волга-Металл при загадочных обстоятельствах погибает ведущий инженер Николай Рогов. Его тело обнаружено в гидравлическом прессе, а дирекция спешит списать трагедию на несчастный случай. Однако судебный следователь Нижегородского окружного суда коллежский асессор Платон Воронов и доктор Аркадий Захарьин обнаруживают на рычаге механизма следы смертоносного аптекарского состава. Шаг за шагом распутывая тайный сговор фабричного управляющего Гинца, капитана Чиркова и купца первой гильдии Силы Мохова, следователь раскрывает разветвленную контрабандную сеть, похищавшую казенную латунь и боеприпасы для тайной переправки на Восток.

© Вяземский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночная смена в Канавине 5
Глава 2. Опилки и миндаль 9
Глава 3. Кабинет управляющего 13
Глава 4. Вдова на Покровской 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Сергей Вяземский
Казённый яд

Глава 1. Ночная смена в Канавине

Платон Сергеевич Воронов перешагнул через маслянистую лужу у подножия чугунной станины и резким жестом отстранил протянутый ему лист гербовой бумаги. Фабричный управляющий Рудольф Карлович Гинц держал этот бланк так настойчиво, словно надеялся закрыть им пятиметровый гидравлический шток, застывший в нижней мертвой точке. Воронов даже не взглянул на казенную шапку с двуглавым орлом. В полумраке прессового цеха, пахнущем перегретым машинным салом, паром и металлической пылью, следователя интересовала вовсе не подпись фабричного инспектора. Его внимание приковала правая рука погибшего, неестественно заломленная между стальными зубьями передаточного вала.

«Уберите бумагу, господин управляющий», - негромко произнес Воронов, не оборачиваясь. - «Протокол осмотра места происшествия составляю я. И пока я не закончу фиксацию следов, ни один рабочий не прикоснется к паровому золотнику. Ни днем, ни ночью».

Гинц нервно дернул жидким светлым бакенбардом. Сутулый, застегнутый на все пуговицы строгого черного сюртука, статский советник в отставке казался продолжением заводских приборов - сухим, выверенным и начисто лишенным человеческой теплоты. За его спиной, в тени колоссальных заклепочных балок, переминались с ноги на ногу трое сменных мастеров и взволнованный околоточный надзиратель Тимофей Брызгалов.

«Господин коллежский асессор, помилуйте», - голос немца звучал с легким металлическим пришептыванием, выдававшим уроженца остзейских губерний. - «У нас срочный наряд Главного артиллерийского управления. Перевооружение трех полевых бригад латунной гильзой и снарядными трубками. За срыв суточного графика господин военный министр Куропаткин спросит не с полиции, а лично с правления товарищества Волга-Металл. Инженер Николай Петрович Рогов допустил грубейшее нарушение фабричного устава. Он лично полез регулировать подачу смазки при неразомкнутом трансмиссионном ремне. Рукав затянуло в зубчатую передачу. Несчастный случай, трагический, но совершенно очевидный для любого фабричного специалиста. Рабочие уже четыре часа простаивают. Утренний гудок через сорок минут».

«Если через сорок минут этот цех наполнится народом, господин Гинц, я прикажу господину Брызгалову опечатать фабричные ворота и выставить караул жандармской команды», - Воронов присел на корточки у массивного маховика, осторожно приподняв полу своего драпового пальто. - «Посмотрите сюда. Внимательно посмотрите».

Тимофей Брызгалов торопливо шагнул вперед, поднимая тяжелый жестяной фонарь типа «летучая мышь». Желтый колеблющийся луч упал на потемневший маховик и тело человека, застывшее на дощатом настиле. Николай Рогов лежал на боку. Его лицо, наполовину скрытое рассыпавшимися темными кудрями, хранило не выражение панического предсмертного ужаса, который неизбежно сопровождает внезапное затягивание одежды в работающие шестерни, а странное, отрешенное оцепенение. Широко раскрытые остекленевшие глаза уставились в чугунный свод перекрытий. Губы покойного были плотно сжаты, а на подбородке виднелась тонкая полоска подсохшей розоватой пены.

«Тимофей, поднеси свет ближе к рычагу ручного спуска», - велел Воронов.

Околоточный послушно присел рядом. От Брызгалова пахло казенным сукном шинели, трубочным табаком низкого сорта и сырым волжским ветром, пробивавшимся сквозь вентиляционные решетки цеха. В Канавине, среди рабочих бараков, ночлежек и бесконечных заводских заборов, Тимофей служил уже седьмой год и знал каждый закоулок от плашкоутного

моста до Сибирской пристани. Но к подобным механическим чудовищам относился с суеверным крестьянским опасением.

«Вот тут, Платон Сергеевич, гляньте-ка», - шепнул околоточный, тыча толстым пальцем в медную полированную рукоять. - «Следы-то странные. Словно свечным салом терли, да не дотерли. Мутно вокруг».

Воронов достал из нагрудного кармана складную стеклянную лупу в роговой оправе и серебряный пинцет. Приблизившись к рукояти пускового золотника, он осторожно наклонился. В тяжелом машинном воздухе цеха, пропитанном запахом гари и минерального масла, вдруг отчетливо пробилась едва уловимая, горькая нота. Так пахнет ядро расколотой дикой абрикосовой косточки или раздавленный в аптекарской ступке горький миндаль.

«Запах чувствуете, Тимофей?» - тихо спросил следователь.

«Сладковато вроде, ваше высокоблагородие. Будто кондитерская лавка на ярмарке пироги с повидлом пекла. Да только откуда здесь сладостям взяться? Тут отродясь ничем, окромя чугуна да гарного масла, не воняло».

«Вот именно», - Воронов осторожно коснулся кончиком пинцета застывшей полупрозрачной пленки на латунной рукоятке. Вещество было вязким, воскоподобным, составленным на основе жировой эмульсии. Оно не высохло даже под воздействием горячего воздуха от паропроводов. - «Господин Гинц утверждает, что рукав инженера затянуло трансмиссией. Но посмотрите на сукно его рабочего пиджака. Левый рукав действительно зажеван между шестернями. Однако манжета цела, пуговицы на месте, и нет никаких следов растяжения ткани, характерных для резкого рывка на полной скорости машины. Ткань туда просто втолкнули. Уже после того, как человек перестал дышать».

Управляющий Гинц дернулся, словно его хлестнули тонким бичом по щекам. Его водянистые глаза сузились, а тонкие пальцы стиснули злосчастный фабричный акт так, что плотная бумага с хрустом помялась.

«Это абсурд! Досужие домыслы юриста, не смыслящего в заводской механике! Кто, по-вашему, мог втолкнуть мертвого инженера в работающий механизм? И зачем? Николай Петрович был душой завода, опытнейшим инженером-испытателем!»

«Это мы выясним в самое ближайшее время, Рудольф Карлович», - Воронов поднялся на ноги, отряхивая колени. Его высокий рост и прямая выправка петербургского юриста резко контрастировали с согбенными фигурами цеховых мастеров. Воронову шел тридцать седьмой год, но седина уже тронула его виски, напоминая о десяти годах службы по судебному ведомству в глухих уездах и шумных портовых городах. - «А пока потрудитесь позвать старшего мастера смены. Того, кто первым обнаружил тело».

Из тени заклепочных колонн несмело выступил кряжистый бородатый старик в парусиновом фартуке поверх синей кумачовой рубахи. Седые патлы выбивались из-под засаленного картуза, на широком рябом лице застыла смесь испуга и упрямства.

«Порфирий Оглоблин я, ваше высокоблагородие. Старший мастер прессового отделения», - хрипло проговорил старик, прижимая заскорузлые кулаки к фартуку.

«Рассказывайте, Порфирий Кузьмич. Без утайки. Во сколько инженер Рогов вошел в цех?»

«Так аккурат в половине двенадцатого ночи, батюшка. Мы как раз третью плавку латунной ленты на вырубку подавали. Николай Петрович завсегда сам толщину проката проверял микрометром. Уж больно строгий был до качества. Говорил, казенная латунь для мосинской гильзы должна быть чистой, без раковин и окалины, а иначе в патроннике заклинит, солдатик в окопе пропадет. Пришел он, значит, с чертежной конторы. Сам белый весь, губы дрожат, будто лихоманка его прихватила. Я ему говорю: Николай Петрович, подите в конторку, чаю горячего испейте, на вас лица нету. А он мне в ответ: Не до чаю, Порфирий. Беда тут у нас.

Государственный обман. Пошел к третьему прессу, взялся за рычаг пуска, чтобы контрольную партию штампа осадить. И вдруг как охнет!»

«Что значит - охнет?» - быстро перебил Воронов, фиксируя каждое слово в карманной записной книжке с твердым кожаным переплетом.

«Да так и охнул, словно ему шило под ребро вогнали!» - Оглоблин перекрестился на темный угол цеха, где тускло теплилась фабричная лампадка перед закопченным образом Спасителя. - «Руками за горло схватился, воздух ртом ловит, захлебывается, будто не воздухом дышит, а болотным угаром. Ноги у него подкосились, он на колени осел, а рукой за маховик уцепился. Я к нему кинулся, да пока через настил перебежал, пока привод остановил... Он уж не дышал. Хрипнул разок - и все. А трансмиссия-то крутилась, его по инерции боком и прижало к шестерне».

«А кто еще был в цехе в этот момент, Порфирий Кузьмич?» - следователь пристально посмотрел старику в глаза.

Оглоблин замялся, метнув быстрый пугливый взгляд на стоявшего поодаль управляющего Гинца. Тот стоял неподвижно, сложив руки на груди, но желваки на его костлявых скулах ходили ходуном.

«Никого не было, акромя сменных подручных у вальцов», - пробормотал мастер, опуская глаза в пол. - «Да только... минут за десять до прихода инженера чужой человек возле третьего пресса вертелся».

«Какой человек? Опишите!» - потребовал Воронов.

«В шинели серой, офицерского сукна, с серебряными пуговицами. Без погон вроде, воротник поднят. Я думал, военный приемщик, капитан Чирков, опять на проверку пожаловал. Они с инженером давеча сильно бранились в конторе. Так этот в шинели подошел к прессу, масленку медную из ящика достал, возле золотника покрутился и скорым шагом через боковую дверь на набережную вышел. Я окликнуть не посмел: господа офицеры нас, мастеровых, за людей не считают, чуть что - под арест грозятся упечь».

«Довольно сказок!» - резко оборвал мастера Гинц. - «Старик выжил из ума от страха перед начальством! Какой офицер? Какая масленка? Господин капитан Чирков со вчерашнего вечера изволит находиться на банкете в Общественном собрании на Покровке! Там пятьдесят свидетелей подтвердят его алиби!»

«Мы обязательно проверим алиби господина капитана», - холодно отрезал Воронов. - «А сейчас, Тимофей, помоги мне. Снимем защитный кожух с распределительного масляного бака».

Брызгалов передал фонарь мастеру, достал из поясной сумки тяжелый разводной ключ и ловко отвернул четыре прикипевших болта на боковой панели гидравлического цилиндра. Металлическая крышка со звоном отошла в сторону.

Воронов перехватил фонарь и направил луч внутрь механической полости. Там, где должна была находиться густая бурая смазка, питающая плунжеры высокого давления, блеснули осколки тонкого аптекарского стекла. Прямо в питающий канал масляного насоса была вставлена и раздавлена механическим поршнем толстостенная стеклянная ампула с притертой горловиной. Вокруг нее расплывалось темное, почти черное маслянистое пятно, испускавшее резкий, удушливый запах горького миндаля.

«Господи помилуй...» - прошептал околоточный, пятясь назад и прижимая рукав к носу. - «Это что ж за дрянь такая, Платон Сергеевич?»

«Это, Тимофей, орудие хладнокровного убийства», - ответил Воронов, бережно извлекая пинцетом самый крупный осколок стекла с остатками бумажной наклейки, на которой сквозь масляную копоть проступали готические латинские литеры. - «Кто-то точно знал, что инженер Рогов лично проверяет пуск пресса и обязательно коснется рукояти, на которую под давлением

выбрасывало смертоносную смесь. Человек погибал за секунды, а падающий шток должен был превратить его тело в кровавое месиво, списав преступление на фабричную оплошность».

В этот момент под высокими сводами цеха оглушительно взревел паровой гудок, возвещая начало утренней рабочей смены, и с улицы, сквозь разбитые стекла фрамуг, послышался тяжелый топот сотен кованых сапог заводских рабочих, стекавшихся к запертым воротам.

Воронов выпрямился во весь рост и повернулся к побледневшему Гинцу:

«Завод остановлен, господин управляющий. Именем Его Императорского Величества и Нижегородского окружного суда я налагаю арест на прессовый корпус. Тимофей, пошли нарочного в полицейское управление за конной сотней. И немедленно отправь пролетку за старшим губернским врачом Захарьиным. Нам предстоит очень долгий день».

Воронов спрятал найденный осколок в стеклянную пробирку с ватной пробкой и запечатал ее сургучом. На полированном стекле ампулы, прямо под готическим клеймом, виднелась крошечная фиолетовая печать: латинская буква W в круге из лавровых ветвей. Знак лучшей фармацевтической лаборатории Нижнего Новгорода, расположенной на фешенебельной Рождественской улице.

Глава 2. Опилки и миндаль

Анатомический покой Нижегородской губернской земской больницы на Жуковской улице встретил следователя запахом карболки, ледяного погреба и сырого известкового камня. Сквозь высокие полукруглые окна, забранные частыми переплетами, падал холодный утренний свет, высвечивая беленые стены, длинный массивный цинковый стол с желобами для стока жидкостей и застекленные шкафы, уставленные банками с анатомическими препаратами в формалине. Вдоль северной стены на дубовых полках ровными рядами белели фарфоровые ступки, мерные цилиндры, штативы с пробирками и спиртовые горелки. Город еще только просыпался под мерный перезвон колоколов кремлевского Спасо-Преображенского собора, а здесь уже шла тяжелая, не терпящая суеты исследовательская работа судебной медицины.

Старший губернский врач Аркадий Валерьянович Захарьин, закатав до локтей рукава тонкой батистовой сорочки и надев длинный клеенчатый фартук, склонился над телом инженера Рогова. В руке доктора поблескивал массивный анатомический нож с костяной рукоятью. Захарьину перевалило за пятьдесят. Его широкое, обрамленное окладистой седой профессорской бородой лицо выражало глубокую сосредоточенность ученого, прошедшего школу Пирогова и Тарханова, для которого человеческая плоть была открытой книгой судебных тайн.

«Взгляните, Платон Сергеевич», - произнес Захарьин, осторожно приподнимая анатомическим пинцетом край рассеченной грудной мышцы. - «Обратите внимание на цвет крови в крупных венозных стволах и правых отделах сердца. Видите этот удивительный, почти противоестественный алый оттенок?»

Воронов стоял у края оцинкованного стола, держа в руках раскрытый блокнот и карандаш. Рядом, у массивной притолоки тяжелой дубовой двери, застыл Тимофей Брызгалов. Околоточный держал в руках снятую форменную фуражку, бледнея всякий раз, когда стальной инструмент доктора касался охлажденного тела.

«Кровь не темная, как бывает при обычном механическом удушье или травматическом шоке», - заметил Воронов, внимательно вглядываясь в обнаженные ткани. - «Она яркая, светлая, словно артериальная».

«Именно так, коллега!» - Захарьин одобрительно кивнул, бросив короткий взгляд сквозь круглые золотые очки. - «При сдавливании грудной клетки шестернями или штоком пресса неизбежно возникает механическая асфиксия. Венозная кровь в таком случае переполняется углекислотой, становится густой, почти черной, как деготь. А здесь мы наблюдаем полнейшее насыщение кислородом, который ткани попросту не смогли усвоить. Тканевое дыхание было парализовано на клеточном уровне в считанные мгновения. Но самое главное не в этом».

Доктор повернул кисть правой руки покойного ладонью кверху. Кончики пальцев инженера, особенно большого и указательного, были слегка сморщены, а кожа на подушечках имела белесый, словно вываренный в кипятке оттенок с крошечными желтовато-бурыми точками в порах.

«Вот они, входные ворота смерти», - продолжал Захарьин, проводя стеклянной палочкой по подушечке указательного пальца. - «Это следы проникновения сильнейшего контактного яда. Обычные цианистые соли действуют при вдыхании паров или через желудок. Но проникнуть сквозь ороговевший кожный эпителий за пару секунд они не способны. Для этого нужен проводник, способный мгновенно растворить кожный жир и увлечь за собой молекулы токсина прямо в капиллярное русло. И такой проводник был найден убийцей. Высокоочищенное эфирное масло горького миндаля в соединении с концентрированным алкалоидом аконитовой группы».

«Аконит?» - Воронов нахмурился, быстро записывая латинские термины. - «Царь-зелье, борец? Растение, которым сибирские охотники смазывали наконечники стрел на зверя?»

«Он самый, Платон Сергеевич, но в химически чистом, кристаллическом виде», - Захарьин снял резиновые перчатки, бросил их в эмалированный таз с карболкой и подошел к химическому столику в углу прозекторской. - «Я взял смывы с подушечек пальцев господина Рогова и соскобы с латунного рычага, которые вы привезли ночью из Канавина. Взгляните на результаты качественных реакций».

Доктор указал на три фарфоровые чашечки, стоявшие на белой мраморной плите. В первой чашке при добавлении раствора сульфата железа и едкого натра образовался густой, насыщенный темно-синий осадок, переливавшийся сапфировым блеском.

«Берлинская лазурь», - негромко проговорил Воронов. - «Классическая реакция на синильную кислоту и ее соединения».

«Совершенно верно. А вот во второй чашке, где я соединил экстракт со спиртовым раствором йода и концентрированной серной кислотой, выпали игольчатые кристаллы характерного красно-коричневого оттенка. Это чистейший алкалоид аконитин. В природном корне его доли процента. Чтобы получить дозу, способную убить взрослого крепкого мужчину через кожу ладони за двадцать секунд, требуется переработать пуд свежих корней редкого иссык-кульского или джунгарского борца, провести многократную фракционную перегонку в вакууме и смешать полученное кристаллическое вещество с раствором цианида и очищенным эфирным маслом. Это не деревенская отрава от крыс и не мышьяк из скобяной лавки. Это шедевр современной прикладной токсикологии».

Доктор подошел к столу с личными вещами покойного, аккуратно разложенными на чистом листе ватмана: серебряные карманные часы фирмы Мозер, обгоревший коробок шведских спичек, связка ключей на стальном кольце и залитый машинным маслом лоскут бумаги, извлеченный из нагрудного кармана рабочего пиджака.

«Обратите внимание на часы, Платон Сергеевич», - Захарьин пинцетом приподнял тяжелую серебряную луковицу. - «Крышка часов разбита, механизм поврежден при падении. Стрелки замерли ровно на одиннадцати часах тридцати четырех минутах ночи. А вот эта запись на клочке бумаги сделана рукой инженера за полчаса до гибели».

Воронов склонился над испачканным листком. Сквозь бурые пятна тавота проступали торопливые строчки карандашом:

«Третий пресс. Золотник подрезан. Смена масла вне графика. Чирков передал новую масленку через старшего конторщика. Проверить давление в магистрали лично».

«Инженер подозревал неладное», - констатировал следователь. - «Он пошел к станку, надеясь уличить заговорщиков в диверсии против заводского оборудования. Но не предполагал, что диверсия направлена против его собственной жизни».

Тимофей Брызгалов шумно выдохнул, отирая лоб широким рукавом форменной шинели:

«Господи Царица Небесная... Это ж какой ирод такое снадобье выдумал? Да за такое на каторгу без срока упекать надо!»

«А что вы скажете о механических повреждениях, Аркадий Валерьянович?» - спросил Воронов, подходя ближе к телу. - «Заводской управляющий Гинц настаивал, что Рогова затянуло передаточным ремнем на полном ходу станка».

Захарьин саркастически усмехнулся в бороду и покачал головой:

«Господин Гинц может рассказывать эти басни фабричной инспекции, но не судебной медицине. Я тщательно исследовал переломы ребер и костей левого предплечья. Ткани в местах переломов совершенно сухие. Там нет массивных прижизненных кровоизлияний, гематом и разрывов сосудов с образованием фибринового сгустка. Когда шток пресса опустился на тело Рогова, сердце инженера уже не билось. Кровяное давление упало до нуля. Травма была нанесена трупу. Механизм запустили уже после того, как Николай Петрович потерял сознание и скончался от паралича дыхательного центра».

Воронов сжал кулаки. В голове следователя мгновенно выстроилась четкая хронологическая цепочка событий той ночи:

«Значит, картина преступления выглядит следующим образом. Убийца заранее знал привычки инженера. Рогов каждый вечер приходил на контрольную вытяжку латунных заготовок перед сдачей партии военной приемке. Пресс номер три стоял в полутемном пролете, вдали от основных вальцовочных станов. Преступник проник в цех незадолго до смены, снял крышку распределительного бачка и вложил ампулу с ядовитой эмульсией прямо под плунжер питающего насоса. При этом рукоять ручного пуска была заранее смазана тонким слоем того же состава, замаскированного под технический вазелин. Рогов подошел к станку, взялся голой рукой за рычаг... Яд мгновенно проник через капилляры. Человек потерял способность дышать, упал на настил. Затем кто-то подошел, сдвинул рычаг до упора, пустив пар в цилиндры, засунул край пиджака в зубчатую передачу и скрылся через боковые ворота».

«Именно так», - подтвердил Захарьин. - «Расчет был дьявольски точен. Паровой пресс весом в тридцать тонн при полном цикле должен был раздробить кости черепа и грудной клетки в порошок. Горячее машинное масло, фонтанирующее из форсунок, смыло бы любые химические следы. Ни один провинциальный врач при беглом осмотре не усомнился бы в несчастном случае на производстве. Только ваша дотошность, Платон Сергеевич, и то, что вы не позволили запустить смену и смыть грязь со станка, спасли главные улики».

Воронов достал из кармана стеклянную пробирку с осколком ампулы, найденным ночью, и протянул ее доктору.

«Взгляните на это клеймо, Аркадий Валерьянович. Вы ведь состоите членом Губернского врачебного совета и знаете всех аптекарей Нижнего Новгорода».

Захарьин взял пробирку пинцетом, поднес к глазам и внимательно осмотрел полустертое фиолетовое клеймо с латинской литерой W. Брови доктора удивленно поползли вверх, а лицо стало строгим и озабоченным.

«Это посуда Готлиба Вейриха. Его придворная аптека на Рождественской улице, прямо напротив Блиновского пассажа. Вейрих - единственный в нашей губернии фармацевт, имеющий официальную лицензию Министерства внутренних дел на выписку редких заграничных алкалоидов из Германии и Швейцарии для научных опытов. Он поставляет реактивы для лаборатории университета и Казанского учебного округа».

«Имеет ли Вейрих право отпускать подобные вещества частным лицам?» - быстро спросил следователь.

«Ни в коем случае! Сильнодействующие токсины первой категории хранятся в специальном несгораемом шкафу под двойным замком с сургучной печатью врачебного инспектора. Каждая крупица аконитина или цианида должна фиксироваться в специальной шнуровой книге с указанием имени врача, номера рецепта и точного диагноза. Если у Вейриха образовалась недостача или если он синтезировал этот яд по тайному заказу, это уголовное преступление государственной тяжести».

Воронов повернулся к околоточному:

«Тимофей, кто сейчас дежурит возле дома инженера Рогова на Большой Покровской?»

«Околоточный надзиратель второй части Семенов, ваше высокоблагородие. Я ему строго-настрого наказал никого в квартиру не впускать, пока вы лично не прибудете. Вдова плачет, убивается, соседи толпятся. Родственников у них в Нижнем почитай нет, одни сослуживцы по заводу».

«Хорошо. Мы немедленно едем на завод к управляющему Гинцу, а затем на Покровку. Мне необходимо изъять личные бумаги покойного до того, как до них доберутся доброжелатели из заводоуправления. Доктор, оформите официальный акт вскрытия в двух экземплярах с подробным химическим анализом. Заключение должно быть готово к полудню для предоставления прокурору окружного суда».

«Все сделаю в лучшем виде, Платон Сергеевич», - ответил Захарьин, крепко пожимая руку следователю. - «Но будьте предельно осторожны. Тот, кто способен применить боевой контактный яд в заводском цехе, не остановится ни перед чем. Эти люди играют по крупным ставкам, где человеческая жизнь не стоит и гроша».

Воронов накинул пальто, поправил серый шелковый кашне и решительным шагом направился к выходу. На больничном дворе у чугунных ворот их ждала казенная пролетка. Сырой осенний ветер с Волги гнал низкие свинцовые тучи, срывая последние побуревшие листья со старых больничных лип. Впереди лежало заречное фабричное Канавино, где за высокими кирпичными заборами ковалось секретное оружие империи и прятались черные тайны казенного воровства.

Глава 3. Кабинет управляющего

Кабинет управляющего товарищества Волга-Металл производил впечатление несокрушимой цитадели промышленного капитала Российской империи. Обшитые мореным дубом стены, колоссальный двухтумбовый письменный стол с зеленым сукном, бронзовые настольные часы в виде мчащегося паровоза и застекленные шкафы, доверху набитые техническими фолиантами на немецком, английском и французском языках, словно наглухо отгораживали хозяина от вечной канавинской слякоти, нищеты и едкого чада заводских труб. В воздухе стоял густой, терпкий аромат крепких голландских сигар, трубочного табака и дорогого французского мастичного воска, которым до зеркального блеска натирали наборный паркет.

Рудольф Карлович Гинц сидел в глубоком кожаном кресле с высокой резной спинкой, держа сухие костлявые пальцы сложенными домиком перед узкой грудью. На его бледном лице с бесцветными ресницами и тонкими сжатыми губами застыла маска высокомерного бюрократического терпения. За открытой верхней фрамугой окна, выходившего во внутренний двор завода, глухо гудели прокатные станы: после отъезда следователя в больницу управляющий все же отдал категорический приказ запустить соседние корпуса, оставив под полицейским оцеплением лишь опечатанное прессовое отделение.

«Я повторяю вам, господин следователь», - голос Гинца звучал сухо, размеренно и монотонно, словно размеренный стук телеграфного аппарата Морзе. - «Вы грубо вторгаетесь в государственную сферу, находящуюся всецело вне компетенции губернского окружного суда. Наш механический завод состоит под особым покровительством Военного министерства и лично генерал-фельдцейхмейстера. Мы выполняем высочайше утвержденную программу срочного перевооружения армии трехлинейными винтовками системы Мосина образца 1891 года. Требовать книги прихода цветного металла с Урала и технологические браковочные ведомости вы можете лишь с официального письменного согласия начальника Главного артиллерийского управления и нижегородского губернатора».

Платон Воронов не стал садиться в предложенное мягкое кресло для фабричных посетителей. Он стоял у массивного бронзового бюста императора Александра Второго, держа в руках толстый кожаный бювар с бланками судебных повесток и постановлений.

«Вы глубоко заблуждаетесь, Рудольф Карлович», - спокойно, но с не допускающей возражений стальной твердостью произнес следователь. - «В силу статей двести пятьдесят восьмой и двести шестьдесят второй Устава уголовного судопроизводства тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года судебный следователь по делам о насильственной смерти пользуется всей полнотой государственной власти на территории вверенного ему округа. Никакие фабричные уставы, корпоративные регламенты, акционерные соглашения и ведомственные циркуляры не могут служить законным препятствием к немедленному изъятию вещественных доказательств по делу об умышленном убийстве казенного чиновника».

«Убийстве?» - тонкие брови Гинца едва заметно дернулись, но взгляд остался бесстрастным и холодным. - «Вы продолжаете упорствовать в этой романтической нелепице? Старший фабричный инспектор господин фон Штейн уже составил официальный предварительный акт о нарушении покойным правил техники безопасности при работе с трансмиссионными передачами».

«Фабричный инспектор может подшивать свои досужие фантазии к счетам за керосин, Рудольф Карлович», - Воронов шагнул к столу и положил перед управляющим раскрытую кожаную папку с гербовой печатью. - «У меня на руках официальное предварительное заключение старшего губернского врача доктора Захарьина. Инженер Николай Петрович Рогов был отравлен сильнейшим контактным ядом на основе растительных алкалоидов и цианистых солей, искусственно нанесенным на пусковой рычаг механизма. Человек погиб стоя, до того,

как его тело коснулось работающих шестерен. Это хладнокровное, дьявольски подготовленное злодеяние. И мотив этого преступления лежит не в личной жизни покойного, а здесь, в этих заводских стенах, в миллионных военных контрактах».

Не успел Гинц произнести ни слова в ответ, как тяжелая дубовая дверь кабинета с грохотом распахнулась, едва не сбив с ног стоявшего в приемной конторщика. На пороге возник офицер в парадном артиллерийском сюртуке с золотыми эполетами штаб-офицерского образца седьмого класса и серебряным аксельбантом. Густые смоляные усы, холеное круглое лицо с легким румянцем после обильного утреннего возлияния и вызывающая осанка выдавали человека, привыкшего помыкать подчиненными и без оглядки сорить деньгами. От вошедшего резко пахло дорогими французскими духами, коньяком и крепким табаком с добавлением ванили.

Капитан полевой артиллерии Модест Яковлевич Чирков, постоянный представитель Главного артиллерийского управления на заводе Волга-Металл, небрежно бросил форменную фуражку с красным околышем на столик у входа и окинул следователя презрительным взглядом из-под полуопущенных век.

«Что за комедия здесь разыгрывается, Рудольф Карлович?» - зычно осведомился капитан, поигрывая массивным золотым брелоком на цепочке карманных часов фирмы Буре. - «Я только что прибыл из Дворянского собрания и узнаю, что какой-то полицейский чиновник посмел остановить военный прессовый цех! Сорвана суточная сдача трехсот пудов латунного листа для Луганского патронного завода! Это бунт или государственная измена?»

Воронов медленно повернулся к офицеру. Его взгляд, холодный и цепкий, скользнул по золотому шитью погон, задел помятый шелковый жилет и остановился на холеных белых руках капитана с перстнем-печаткой темного сердолика.

«Судебный следователь по особо важным делам Нижегородского окружного суда коллежский асессор Воронов», - сухо представился Платон Сергеевич. - «И смею вам напомнить, господин капитан артиллерии, что государственная измена - это сокрытие улик по делу об отравлении казенного инженера боевым химическим составом. А заодно - подделка актов браковки стратегических цветных металлов, поставляемых уральскими заводами для нужд русской армии».

Чирков на мгновение поперхнулся воздухом. Румянец на его щеках сменился сероватой бледностью, но он тут же взял себя в руки, с вызовом выпятив грудь:

«Какая дерзость! Вы забываетесь, господин чиновник! Я состою в свите генерал-фельдцейхмейстера и отвечаю за качество военной продукции исключительно перед Санкт-Петербургом! Инженер Рогов был моим подчиненным по технической части приемки. Он был склочником, желчным неврастеником, повсюду искавшим несуществующие заговоры. Его гибель - прискорбная неосторожность, и я лично утвердил акт фабричной инспекции!»

«В таком случае, господин капитан, потрудитесь объяснить суду одно весьма любопытное обстоятельство», - Воронов достал из кармана сложенную копию заводской накладной, полученной накануне от мастера Оглоблина. - «Двадцать второго октября сего года вами лично был подписан акт номер восемьдесят четыре о признании непригодными к механической обработке и подлежащими списанию в лом девяноста тонн уральской рафинированной латуни высшей категории А. Причина списания - якобы возникшие термические микротрещины при прокате. Однако в журналах чугунолитейного и медеплавильного отделений за последнюю неделю нет ни одной записи о переплавке этого колоссального объема металла в лом! Где эти девяносто тонн первоклассной меди и цинка, господин военный приемщик?»

В кабинете повисла зловещая тишина. Было слышно, как на улице надсадно свистит маневровый паровоз, перетаскивая порожние платформы по заводской ветке. Гинц медленно поднялся со своего места, его костлявые руки сжались в кулаки, а глаза вперились в артиллерийского капитана с нескрываемой тревогой.

Чирков нервно дернул плечом, его холеный голос сорвался на визгливые фальшивые ноты:

«Это секретная технологическая процедура! Металл был заскладирован в закрытом ангаре у реки для отправки на Санкт-Петербургский арсенал на переработку! Все документы опечатаны казенной сургучной печатью артиллерийского ведомства! Никто не имеет права прикасаться к ним без специального ордера военного прокурора Московского военного округа!»

«Ордер военного прокурора вам понадобится значительно раньше, чем вы полагаете, капитан», - Воронов шагнул вплотную к Чиркову, глядя ему прямо в расширенные зрачки. - «Сегодня ночью свидетель видел возле третьего пресса человека в офицерской серой шинели с серебряными пуговицами. Этот человек держал в руках масленку, из которой в механизм был залит редчайший яд, изготовленный в Нижнем Новгороде по тайному рецепту. А в карманах этой шинели, без сомнения, лежали ключи от закрытых складов товарищества Волга-Металл».

Капитан отшатнулся, его рука инстинктивно дернулась к эфесу кавалерийской шашки, висевшей на портупее, но тут же опустилась.

«Вы клевещете на русского офицера! Я буду жаловаться генерал-губернатору Баранову! Я немедленно отправляю депешу в Главный штаб!»

В этот момент дверь кабинета распахнулась вторично, на сей раз с отчаянным треском. В комнату кубарем влетел молодой чертежник в парусиновом халате, заляпанном тушью. За ним, тяжело дыша и пытаясь удержать парня за ворот, ввалился околоточный Брызгалов.

«Платон Сергеевич, беда!» - закричал парень, задыхаясь от быстрого бега по лестницам. - «Господин следователь, в чертежном флигеле...»

«Кто такой? Вон отсюда!» - рявкнул Гинц, стукнув кулаком по дубовой столешнице. - «Как вы смеете врываться в кабинет директора без доклада?»

«Это Алексей Яковлев, помощник покойного инженера Рогова», - громко объявил Брызгалов, загораживая парня своей широкой фигурой от разъяренного управляющего. - «Говори толком, парень, что там стряслось?»

Яковлев с трудом перевел дыхание, глядя на Воронова расширенными от ужаса глазами:

«Десять минут назад... Двое неизвестных в мазутных куртках выломали чугунную решетку в окне первого этажа чертежной лаборатории. Они сбили ломом навесной замок на личном несгораемом шкафу Николая Петровича! Выгребли все папки с казенными синьками, расчетные тетради по контрольным плавкам и черную записную книжку, куда Рогов записывал номера караванных барж! Когда я вбежал на шум, один из них огрел меня обрезком водопроводной трубы по плечу и сиганул в окно! Они побежали в сторону Сибирской пристани, к моховским пакгаузам!»

Воронов мгновенно повернулся к Чиркову и Гинцу. Лицо немецкого управляющего превратилось в застывшую гипсовую маску, а капитан артиллерии нервно облизывал пересохшие губы, судорожно теребя темный сердолик на перстне.

«Вот и ответ на ваш вопрос о несчастном случае, господа», - ледяным тоном произнес Воронов. - «Убийцам оказалось мало оборвать жизнь честного инженера. Им потребовалось уничтожить его архив, разоблачающий грандиозную кражу стратегического металла. Тимофей, свистать пеших городовых! Блокировать выходы с заводской территории! Мы немедленно отправляемся на квартиру Рогова на Большой Покровской. Если бумаги искали здесь, значит, самое ценное инженер оставил дома».

Следователь круто развернулся и вышел из кабинета, оставив заговорщиков в оцепенении среди роскоши дубовых стен и тяжелого сигарного дыма.

Глава 4. Вдова на Покровской

Осенние сумерки опустились на верхнюю часть Нижнего Новгорода быстро и промозгло. Ледяной дождь, перемежавшийся редкими хлопьями липкого снега, хлестал по булыжной мостовой Большой Покровской улицы, размывая колеи и превращая сухие листья в скользкое темное месиво. Вдоль тротуаров тускло вспыхивали желтые огни газовых фонарей, отбрасывая дрожащие тени на массивные фасады дворянских особняков, купеческих лавок и классических присутственных мест. Сырой ноябрьский ветер с волжских откосов завывал в водосточных трубах, срывая афиши ярмарочных театров и бросая пригоршни мокрого песка в окна застекленных карет.

Двухэтажный деревянный дом на высоком каменном цоколе с резными наличниками в виде переплетенных виноградных лоз и сосновых шишек стоял в глубине тихого двора, неподалеку от Дворянского собрания и Георгиевской церкви. В окнах второго этажа, занавешенных светлым кружевным тюлем, горел ровный, печальный ламповый свет. У парадного крыльца, переминаясь под дождем в промокшей серой шинели, дежурил молодой полицейский городовой. Увидев поднимающегося по ступеням следователя Воронова в сопровождении околоточного Брызгалова, страж порядка вытянулся во фрунт, приложив озябшую руку к козырьку.

«Все спокойно, ваше высокоблагородие», - доложил городовой осипшим от сырости голосом. - «Никто посторонний в дом не входил, кроме господина священника из Георгиевской церкви. Батюшка отец Арсений панихиду отслужил по усопшему и полчаса как отбыл. Да еще конторщик с завода приезжал в пролетке, пакет передавал с казенной печатью, но хозяйка его даже на порог не пустила, велела обратно убираться».

Воронов кивнул и толкнул тяжелую дубовую дверь с массивной бронзовой ручкой в виде лапы грифона. В прихожей пахло сушеной мятой, восковыми свечами, аптекарской валерианой и тем застарелым запахом хороших книг и теплого жилья, который бывает лишь в домах потомственной русской интеллигенции. На дубовой вешалке висело темное дамское пальто с каракулевым воротником, форменная гимназическая пелерина и висела широкополая мужская фетровая шляпа, которую покойный инженер уже никогда не наденет.

В гостиную навстречу гостям вышла женщина в строгом черном шерстяном платье с глухим воротом и траурной шелковой лентой. Варваре Дмитриевне Роговой едва исполнилось тридцать лет, но на ее бледном породистом лице с тонкими чертами уже залегли глубокие тени нечеловеческой скорби. Темные гладкие волосы были убраны в строгий узел, серые глаза смотрели прямо, твердо и без слез. Преподавательница словесности Нижегородской Мариинской женской гимназии встретила судебного следователя сдержанным наклоном головы.

«Проходите, Платон Сергеевич», - произнесла она негромким, глубоким голосом, в котором, несмотря на горе, звучала внутренняя стальная сила. - «Я знаю, кто вы. Тимофей Иванович передавал утром записку от окружного суда. Я ждала вас весь день. Знала, что судебная власть не оставит смерть Николая без должного внимания».

Гостиная была обставлена скромно, но с безукоризненным дворянским вкусом: кабинетный рояль красного дерева у окна, этажерки с томами Пушкина, Тургенева, Некрасова и солидными изданиями Санкт-Петербургского политехнического института, глубокие кресла, крытые потертым зеленым репсом, и большая голландская печь, облицованная старинными белыми изразцами с синими пасторальными рисунками. На круглом столе под кружевной салфеткой стояла потушенная фарфоровая лампа, лежало раскрытое Евангелие и стояла деревянная рамка с фотографической карточкой покойного инженера: открытое, волевое русское лицо с живыми, проницательными глазами ученого.

Воронов снял пальто, передал его Брызгалову и почтительно поклонился вдове:

«Примите мои глубочайшие соболезнования, Варвара Дмитриевна. Гибель Николая Петровича - невосполнимая утрата не только для вас, но и для всего нижегородского просвещенного общества, для всей русской инженерной мысли. Я прибыл к вам не с праздными казенными расспросами. Речь идет об установлении истины и возмездии тем, кто повинен в этой страшной трагедии».

Варвара Дмитриевна медленно подошла к роялю, коснулась кончиками пальцев полированной крышки и повернулась к следователю:

«Значит, мои предчувствия не обманули меня. Это не было несчастным случаем? Те господа с завода, что приезжали утром с казенными соболезнованиями и пачкой ассигнаций на погребение, лгали мне в глаза?»

«Лгали от первого до последнего слова», - прямо ответил Воронов, глядя ей в глаза. - «Ваш муж был убит. Хладнокровно, расчетливо и чудовищно изощренно. Преступники использовали редчайший контактный яд, нанесенный на пусковой механизм гидравлического пресса, рассчитывая, что тяжелая паровая машина уничтожит все следы преступления. Но доктор Захарьин провел вскрытие и неопровержимо доказал факт насильственной смерти от токсина. Николай Петрович погиб стоя, до того, как тело коснулось шестерен».

Женщина закрыла глаза, ее тонкие пальцы судорожно побелели, впившись в край рояля. На мгновение показалось, что она упадет в обморок, но Варвара Дмитриевна лишь глубоко вздохнула, выпрямилась и посмотрела на следователя с непоколебимой решимостью:

«Я знала, что они его убьют. Последние два месяца Николай не спал ночами. Он ходил из угла в угол по этой комнате, брался за расчеты, бросал перо и повторял одно и то же: Россия на пороге великих испытаний, армия ждет нового трехлинейного оружия, а здесь, в глубоком тылу, окопались предатели, продающие солдатские жизни за пачки золотых червонцев. Он нашел колоссальные расхождения в ведомостях поставок латуни и меди. С завода систематически уходили сотни пудов стратегического металла под видом технологического брака».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.